

Александр Чанцев

Рейволюция против современного мира

Игорь Шулинский, в прошлом главный редактор «Птюча» (хотя тут прошедшее время не очень выговаривается, слишком мощен кильватерный след этого издания), а ныне «Москвич Mag», с группой заинтересованных товарищей в лице Ильи Бражникова, оригинального писателя и по совместительству доктора филологических наук, и других примкнувших, продолжают благое дело, начатое в предыдущем выпуске своего детища, в 2017 году¹. А именно — выводят из тени забытых авторов 90-х (и не только, тут временная координата растягивается иногда от Лианозовской школы до современных рассказов о протестных акциях), изданных, но забытых, а чаще не изданных или же, что тоже бывает, оставшихся в памяти чем-то другим (живописью ли, хипповскими приключениями на дороге ли). И делают это Шулинский и Ко очень интересно. На грани между академическим изданием (редкие авторы, архивная работа, предисловия составителей, комментарии) и — моднейшим глянцевым изданием (верстка, иллюстрации, вертикальный текст и так далее напоминают тот же «Птюч», а стоит, сейчас посмотрел, все это великолепиие в «Москве» почти 4 — прописью — четыре тысячи рублей).

Литературно-художественный альманах «Невидимки», № 2. — М.: Книжные сети, 2019.

¹ За, скажем так, не очень большим количеством критических отзывов отошло к собственному: Чанцев А. Теплый холод // Дружба народов. 2018. № 5 (<https://magazines.gorky.media/druzhba/2018/5/tyoplyj-holod.html>).

Тенденция «возвращения имен», кстати, в последние годы не единичная — так, поэт и культуртрегер Борис Кутенков, тоже с группой единомышленников, серийно издает «Антологию литературных чтений “Они ушли. Они остались”», где публикует рано умерших поэтов, и широко известных (Башлачёв, Аронзон, Рыжий), и тех, от кого, как, скажем, умершего еще студентом Николая Полетаева, осталась лишь тонкая стопка тетрадей. Дело это крайне благое. Ведь не только ушедшие получают, хоть и с сильным опозданием, в духе нашей почты, дань, но и мы становимся обладателями необычных свидетельств странных эпох. Будто кладовку или чердак разгрести на карантине стали и нашли свои школьные тетради, фотографии родителей, бабушкино-дедушкинские треугольники писем с фронта.

Что же ждет нас в этом томе? О, богатейшее меню. Например, рисунки Евгения Кроповницкого, поэта, лидера Лианозовской школы, композитора, художника — очень необычные наброски карандашами, ручками и фломастерами. Так рисовали дети, правда? Но не все жили в настоящем бараке, не все начинали еще с нашими признанными футуристами. Которых — важное наблюдение из предисловия Светы Тень к публикации — засосал потом тоталитарный дискурс. А Кроповницкий, как ушел тогда еще от какого-либо признания, так и остался — независимым, на обочине, в своем Лианозово(е).

Или проза художника Аркадия Насонова, члена обществ «Облачная комиссия», «ТАРТУ» (тема предыдущего

номера «Невидимок») и «Медицинской герменевтики» — кстати, им же самостоятельно сверстанная, с иллюстрациями из советских фильмов и разделенной на два нарратива страницей. Конечно, странная проза — об искусственном оплодотворении обычной советской женщины святым духом он пишет так, будто Саша Соколов при сочинении «Палисандрии» весь погрузился в изучение буддизма и индуизма и принимал для стимуляции этого непростого занятия какой-то современный аналог прасада или даже амриты, индуистского «напитка богов».

А вот еще более редкий случай. Московский некроромантик Владимир Галкин со своими крайне эротизированными новеллами. Абсолютно, кажется, неизвестный — не считать же публикациями изданную где-то в начале 2000-х на свои деньги минимальным тиражом книгу или же колонку на рекламном сайте ритуальных услуг (!). Галкин — из тех, что только мелькнули в подпольной литературе 60—80-х годов — кто-то ходил в самиздате, кого-то печатал парижский «Ковчег», кто-то блистал в Южинском кружке. Но кто-то, как пишет Артём Баденков, мужественный и беззаветный собиратель и хранитель подобного рода литературы второго, даже третьего ряда (речь не о ценности, конечно, а о степени признания), в чем-то опередил где Сорокина, где даже Венедикта Ерофеева.

А вот сам Сорокин на фоне таких авторов, хоть кидайте меня в терновый куст, выглядит бледновато. Да, Шулинский с Бражниковым в двух эссе-предисловиях дискутируют о том, что, выйди в свое время сборник группы «ПОСТ», куда входил сам Шулинский, Александр Гаврилов, Олег Лекманов, Александр Дельфинов, Игорь Трофимов и другие (оценим, кстати, сколь по-разному реализовались «постовцы» — от классического филолога Лекманова до немного гламурного культуртрегера Гаврилова), все могло сильно измениться и в литературе, и в их жизнях. Но работницы типографии вышли на

забастовку — или эта мерзопакость Сорокина не выйдет, или уволимся мы. Не вышла. Републиковали сейчас. И в наши дни это выглядит уже сильно протухше — обычное сорокинское сползание традиционного советского нарратива в скатологическое BDSM камлание, то есть, по сути, бахтинско-карнавальное замещение самого горнего самым телесным низом. Да, тогда это воистину читалось иначе.

Сейчас же, если честно, мне гораздо интереснее было прочесть длинные, почти невозможные письма Георгия Носкова. Прочесть прежде всего как пресловутый «человеческий документ» — много думающего, читающего, работающего над собой человека. В советские годы, в армии, в больнице — то есть в ситуации двойной, гетеропической несвободы. Начинаящий литератор, он уехал за самореализацией в Лондон — где в конце работал вышибалой в клубе и убил или не убил собственную жену (судьба воистину в духе 90-х!). О нем прекрасно пишет его знакомец и адресат Виктор Ерофеев (еще раз подтверждая для меня тот факт, что как литературовед он гораздо интереснее, чем как прозаик).

Или стихи «единственного хиппи из Кемерово» (остальных, надо полагать, извели суровые кемеровские любера?) Жеки Кемеровского (Евгения Шелиповского), публикуемые — из небытия же — Сергеем Ануфриевым. Веселые, как дзэнская байка, как свежо они, поди, слушались в те годы, если цепают и сейчас:

Сказал он русским: «Вы свободны».
Он зверя в небо запустил,
Чтобы поступком благородным
Прошение свыше обрести.
Такой вот в дебрях Занзибара
Смешной случился эпизод.
А та собачка над Сахарой
Поныне по небу плывёт.

Стихотворные подборки, надо заметить, вообще весьма удались и бодрят несказанно в этом номере «Невидимок». Вот Александр Дельфинов — весьма состоявшийся, что, скорее, исключение из правил:

Каштаны жарили на рынке
 традиционные мужчины.
 Их лица были, как ботинки
 из производственной резины.
 Они стояли, как вопросы,
 и, презирая дым столичный,
 вращались жёлты папиросы
 у них в руках патриотично.

Обоим поэтам отчасти вторит Ольга Каминка, автор «Ома», «Птюча», «Матадора» (тогда) и книги «Мои 90-е» (ныне). А Дмитрий Данилов в своем духе поэтизирует в своей прозе то, что, казалось бы, поэтизировать абсолютно нельзя — праздник труда в Троицке глазами несчастного журналиста, которому еще добраться до Москвы и отписаться обо всем об этом. То есть, нет, не поэтизирует. Найти банальные метафоры-то каждый может. Он же, как Платонов, извлекает поэтическую суть самого, казалось бы, антипоэтического — нашей повседневной жизни, работы, беготни по делам, иллюзорных часто радостей и развлечений.

Есть ли у всего этого общая константа, тот объединяющий момент, что уже намечился, услышался в стихах столь разных поэтов? Кажется, да. Кстати сказать, и отец идеи Шулинский в предисловии ставит задачу так: «Прежде всего вытаскивать то, что затерялось, и, во-вторых, пытаться установить новые связи, учитывая появившиеся находки. Так появляются новые смыслы... Мне бы не хотелось, чтобы это звучало так серьезно, как это звучит сейчас». Но тем не менее. Посему обратимся к краеугольному произведению сборника, тому тексту, который — при всех упомянутых и не только достоинствах других вещей — является тем столпом, на котором читатель, по примеру давних святых, мог бы простоять в пустыне долгие дни, ничем иным не питаясь. Это «По накату» Владимира Богомякова, в прошлом грузчика, маляра, а ныне доктора философских наук — и снова биография в духе тех 90-х, когда бывший системный хип становится главой монастыря или политтехнологом.

В своем предисловии Игорь Левшин — еще один постоянный контрибьютер «Невидимок», регулярно принимающий участие в не столь регулярных чтениях по

их мотивам (проходящих то в ресторанах, то в Переделкине — к вопросу о двойной идентичности альманаха) — метко сравнивает повесть/роман Богомякова с поэмой (так что, возможно, и у Богомякова поэма) «Москва-Петушки». С тем лишь различием, что у героя Ерофеева была призрачная, недостижимая, но хоть какая-то цель — увидеть Кремль, доехать до любимой жены и ребенка на станции Петушки. Не менее же алкоголизированные метания — сравнил бы их с передвижениями героев «Страх и ненависти в Лас-Вегасе», тем более что фильмами и актуальной музыкой герой не брезгует, поминает часто, — не только, как сейчас бы сказали, рандомизированы, но и абсолютно хаотичны. Поэму, опубликованную в 2010 году, думается, лишь по недоразумению и культурной инерции еще не зачислили в контркультурную и просто классику, поэтому чуть о ее содержании. Героя просят отогнать машину, из этого начинаются его перемещения по городам и весям на жд — иногда он просто загадывает город, иногда некие граждане опять, в духе «Процесса» Кафки, призывают его поучаствовать в каких-то там делах. Как и герой Ерофеева, перед нами воистину новый мученик, юридический уродливых времен. Это подчеркивается разнообразно — герой то заявляет, что секс никак не любит (=обет безбрачия), то нарратив скатывается (возносится!) в стиль древнерусских сказаний¹.

¹ То, что ни общающийся с ангелами накоротке герой Ерофеева, ни озабоченный сравнительным анализом настоек герой Богомякова юродями себя не позиционируют и не считают, есть в данном случае довод за, а не против. Потому что специалист по юродству Сергей Иванов убедительно доказывает, что «юродивый — не феномен, а ноумен, если я даже и пишу “юродивый сделал то-то и то-то”, то это лишь упрощенный способ сказать, что окружающие про кого-то так говорят, считают, шепчутся, сам же этот “он” лишен субъективности, это персонаж чужих восторженных страхов». *Иванов С. Блаженные похабы: Культурная история юродства.* — М.: АСТ; Corpus, 2020. С. 9. А уж распивающие в общественном месте и даже попадающие в милицию герои тут оснований дают изрядно.

Но еще одна линия нам сейчас важнее — за искромётными, бурлескными, раблезианскими похождениями героя, как то повелось с Гоголя и невидимых миру слез иных классиков, таится довольно мрачноватая подкладка — как представители татаро-монгольского ига любили пир закатывать, положив доски на груди пленников и на них восседая. Не раз и не два посреди дегустации самых разнообразных наливок и водок местного производства проскальзывают ноты черной тоски и безысходности. Но и ее подает он с юродствующими стёбными интонациями: «Волшебная моя плоть оттусовалась, главнейшее добро затерялось. Плотьпустошь угасает; то зажигается, а то вот и угасает. И ты здесь словно всегда в пополаме. Волшебная моя плоть, вижу пустошь свою и ничто. Зеркала, перламутр, гробы с атласными лентами, безыменные трепеты, мировое пространство пустынно, упились веселым нектаром, лишь вечные струи, смывая грязь...» Или уже и — почти — без скоморошских литаний в конце дня, как в дневнике, герой подводит его тотальную бесполезность: «К несчастью, вскоре время утратит свою власть над нами, муравьишками, помахивающими своими муравьиными х..шками. Окутанные туманом невразумительных заблуждений и вялых сомнений события этого дня, хоть и незначительные сами по себе, через несколько мгновений начнут свою разрушительную работу, будут исподволь подрывать, суки таки, идеальный распорядок, подстраивая то недоразумение, то оплошность, там путаницу, а там промах, чтобы малопомалу завершить свое произведение: беспорядочный, бесцельный, непостижимый и чудовищный день в начале зимы. А зима, похоже, уже начиналась, снег летел большими хлопьями». На — герой любит Radiohead, а мы процитируем Сергея Калугина — «станции мертвых сердец»:

Ибо мир мой разбился на части —
его не собрать,
Ибо мяч мой уносит рекой — его не догнать;

Перед сном я читаю о том, что у всех нас
единный Отец.
Скоро выпадет снег, и кондуктор объявит:
«конечная — Станция мёртвых сердец»¹.

Идя дальше и памятуя о внимании к буддизму Насонова и многих контркультурщиков тех времен, можно было бы вспомнить самый негостеприимный раздел того, что можно условно считать буддийским адом — ледяной мир голодных духов, находящийся в самом нижнем из шести миров, нарака-лока. Не туда ли «по накату» катится герой и весь мир заодно? Впрочем, подобная интерпретация была бы слишком очевидной для такого игрового и сложного текста, как книга Богомякова.

Предложил ли я извлечь именно тему безысходности, конца всех ценностей да и мира в целом, ибо тема похорон старого мира и построения нового — прямо в духе «мы старый мир разрушим» — дискутируется составителями не единожды. Шулинский и Бражник пишат об охватившей всех эйфории от крушения советского мира запретов. Как и у героев «Интернационала», на дворе после краха СССР времена стояли веселые, революционные. Как описывает их Сергей Ануфриев: «Время было революционное. Только что советская власть лопнула, как воздушный шарик. Приходила она трудно, в огне и крови, а ушла легко и радостно, в атмосфере всеобщего ликования. Наступила свобода, но пока что как исчезновение контроля. Что делать со свободой, как обычно, никто не знал, и начался беспредел, поскольку люди начали делать что хотели. И вот тут-то и раскрылся гигантский портал, связанный с психоактивной культурой, которая давала ощущение непосредственной свободы, не замораживаясь с условиями, обеспечивающими эту свободу». Иными словами, слава психонавтам, как завещал великий Летов.

¹ Калугин С. С. М. С. Цит. по: <http://orgius.ru/txt/stancia.html>.

Но что-то, кажется, как всегда, пошло не так. И если в «Интернационале» субъекты высказывания были напрямую причастны и к разрушению старого мира и к построению, уже по своим лекалам (ну, какие были в те времена тотального дефицита), нового, то тут, можно предположить, оба процесса произошли по воле иных акторов. Посему рейволюцию (помню в моих 90-х, как Богдан Титомир даже зарегистрировал копирайт на это выражение), как и все прочие молодежные непотребства, быстро погасили. Возможно, у самих участников закончились силы, наступило жесткое похмелье, а иные и не выдержали накала, уже далече. Но революционных деятелей вообще во всем мире любят «нейтрализовывать» — мавр сделал свое дело, мавр может уходить, а перманентной

революции (с) нам не нужно, спасибо, батенька, получите ледоруб(ом) и распишитесь.

Поэтому рассуждения Шулинского и Бражникова, исключительно весело ли хоронили тогда совок или же уже что-то чувствовалось, как в прозе Богомякова, некоторая нотка, что вечеринка не вечна, веселье скоро схлопнется «и снова темно» (Летов знал), не столь даже и важны. Процессы пошли так, как только они и могли пойти. Тяжелые бетонные стены бывшего оборонного забора, переделанного было под клуб, где проходили вечеринки, акции, выставки и чтения, просто снесли. Но из-под завалов этих бетонных плит выжившие энтузиасты вынимают и публикуют уцелевшие листки с прекрасными текстами и рисунками¹. За что им низжайший поклон.

---

¹ Ведь учит же бхакти-йога, что дробящееся, ускользящее от понимания, бесконечно повторяющееся (отмеченная Шулинским тема выстраивания новых связей) время и есть самое ужасное, что существует, но одновременно и то, что мы должны научиться любить. См. в Бхагавад-Гите сцену, в которой Кришна предстает перед Арджуной в своей истинной ужасной форме.